

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.1.9>

UDC 316.758:316.422

LBC 60.524.126.3

**“ESTRANGEMENT OF CLOSE SOULS”:
SOCIAL ANOMIE OF TERRITORIAL COMMUNITIES
IN TIMES OF SOCIAL TRANSFORMATION ¹**

Julia A. Drozdova

Volgograd Institute of Management at Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Volgograd, Russian Federation

Janna S. Martinson

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. A social community as the main structure of people’s social functioning is an interdisciplinary subject for study. Its different definitions accentuate social interactions in social communities irrespective of the basis and purpose of their unity. The authors focused on territorial communities (urban and country residents) as the primary community where social interaction takes place and social connections are formed in a certain location. Empirical findings obtained in the framework of RFBR grant no. 19-411-34002 “Territorial communities in social transformation: sociological and managerial analysis” permit an analysis of processes taking place in territorial communities at the time of social transformation. Most provincial Russian regions, towns and villages show low social activism, apathetic social behavior devoid of initiative. Among the characteristic features of social anomie experienced by territorial communities, the authors also emphasize low or moderate degree of trust on social institutions and other people, half-faced loyalty to one’s community, poor solidary ties inside a territorial community which obstruct social interactions and put the very existence of a territorial community at stake. Besides, the state of a territorial community may be a which may be a response to social change, crises, and the depressive vector of regional development. The inert social environment, a condition of social anomie represents the greatest difficulty in management since it is marked by latent conflict and “alienated sociality”. The authors consider different scenarios of development of a territorial community and overcoming disunity as a response to social transformations and inequality. Understanding the new social reality of towns and villages, the meanings and practices found in the interactions of urban and country residents in the ever-changing social landscape can help in overcoming social anomie, developing a territorial identity and solidary relations in the region, and preserving the community.

Key words: territorial communities, urban residents, country residents, social anomie, inert social environment, consociation, regional identity.

УДК 316.758:316.422

ББК 60.524.126.3

**«РАЗОБЩЕННОСТЬ БЛИЗКИХ ДУШ»:
СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ
В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ¹**

Юлия Алексеевна Дроздова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Российская Федерация

Жанна Сергеевна Мартинсон

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Социальная общность, как основная структура в организации жизнедеятельности людей, является междисциплинарным предметом исследования. Различные дефиниции акцентируют внимание на социальных взаимодействиях в социальных общностях независимо от основания и цели объединения субъектов социального действия. Особый интерес для авторов статьи представляют территориальные общности (горожан и сельских жителей) как первичные для социальных взаимодействий и формирования социальных связей в определенной локации. Эмпирические данные авторского социологического исследования, проведенного в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ», позволяют проанализировать те процессы, которые происходят в территориальных общностях в условиях социальных трансформаций. Для большинства провинциальных российских регионов, городов и сельских поселений характерна низкая социальная активность социальных субъектов, апатичное и лишенное инициативы социальное поведение. Среди характеристик социальной аномии, переживаемой территориальными общностями, авторы выделяют также низкую или среднюю степень доверия к социальным институтам и другим людям; неполную лояльность к своей общности; слабые солидарные связи внутри территориальной общности, затрудняющие социальные взаимодействия и представляющие риски для ее существования. Такое состояние территориальной общности может являться реакцией на социальные изменения, кризис, депрессивную траекторию развития территорий. Инертная социальная среда, состояние «социальной аномии» представляют наибольшую сложность в процессе управления, так как им присущи латентная конфликтогенность и «отчужденная социальность». Авторы статьи рассматривают возможные сценарии развития территориальной общности и преодоления разобщенности как реакции на социальные трансформации и социальное неравенство. Рефлексия новой социальной реальности городов и сельских поселений, смыслов и практик взаимодействия горожан и сельских жителей в изменяющемся социальном ландшафте необходима для преодоления социальной аномии, формирования территориальной идентичности, солидарных отношений в регионе и сохранения общности.

Ключевые слова: территориальные общности, горожане, сельские жители, социальная аномия, инертная социальная среда, консоциации, региональная идентичность.

Социальная общность является основной структурой, в рамках которой протекает человеческая жизнедеятельность. В социальных общностях мы трудимся, отдыхаем, участвуем в профессиональной, научной, учебной, религиозной жизни, организуем жизнь в определенных территориальных локациях. Выступая основным связующим звеном между личностью и обществом, социальные общности могут способствовать интеграции, социализации, включению личности в социум, но также могут приводить к дистанцированию и изоляции от него. Общностный подход, представленный в работах М. Вебера, Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма, Б. Андерсона, Г. Теджфела, В.А. Ядова, Г.Е. Зборовского [Вебер 1990; Теннис 1998; Андерсон 2016; Tajfel 1987; Дюркгейм 1991; Ядов 1990; Зборовский 2009], содержит различные определения социальной общности, но все ученые сходятся во мнении о том, что социальная общность – это не просто совокупность людей, объединенная общностью крови, родственных связей, деятельности, ценностей, территорией проживания, основанная на личном доверии в *Gemeinschaft* (общине) или на безличностном – *Gesellschaft* (обществе) [Теннис 1998, 211]. Для социальной общности

важно чувство идентичности и, самое главное, интенсивные взаимодействия между субъектами социального действия.

Особый интерес представляют территориальные общности, среди которых мы выделяем горожан и сельских жителей как основные, поскольку территориальная идентичность является основной и первичной для социальных взаимодействий, социальных связей. Идентификация человека с первичными группами (родителями, родственниками, друзьями детства и т. д.) всегда локализована местом рождения и жизни – «домом». Территориальные общности имеют также признаки, определяющие данную социальную совокупность людей, отличающую их от других общностей: схожий образ жизни, культуру, территориальную идентичность, взаимодействие территориальных субъектов.

Социологическое исследование, проведенное в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ», позволяет рассмотреть, проанализировать те процессы, которые происходят в территориальных общностях в условиях изменяющейся социальной реальности.

Предполагаем, что в условиях социальных трансформаций, переживаемых российским обществом в последние десятилетия, происходит формирование инертной социальной среды как следствие «социальной травмы» [Штомпка 2001, 6], для которой характерны апатия горожан и сельских жителей, ослабление социальных связей, вовлеченности горожан в активные социальные практики, направленные на развитие города, дворовых территорий. Мы определяем данное состояние через метафору Е. Евтушенко «разобщенность близких душ» [Евтушенко 2013, 142–143].

Инертная региональная среда свидетельствует о новой социальной реальности и, на наш взгляд, характерна для большинства провинциальных российских регионов, городов и сельских поселений. Данную среду отличает низкая социальная активность социальных субъектов, апатичное и лишенное инициативы социальное поведение, которое может являться реакцией на социальные изменения, кризис, депрессивную траекторию развития провинциальных территорий. Такая социальная среда, на наш взгляд, представляет наибольшую сложность в процессе управления, так как ей присущи латентная конфликтность, что позволяет нам рассмотреть данный формат «отчужденной социальности» [Комбаров web] как своеобразную форму социального протеста.

Также данное состояние территориальных общностей можно охарактеризовать как состояние социальной анонии. Мы определяем это состояние, с одной стороны, опираясь на концепцию Э. Дюркгейма, как состояние недостаточности законов, организации, норм поведения, возникшее в условиях новой социальной реальности, социально-экономического кризиса, противоречивых социальных реформ, снижения уровня жизни людей в провинции и сельской местности, сокращения рабочих мест и организационной нестабильности. При этом важно, что это состояние общества характеризуется или негативной, или равнодушной реакцией заметной части членов территориальных общностей. Э. Дюркгейм считал, что данное состояние возникает «в момент общественной дезорганизации, будет ли она происходить в силу болезненного кри-

зиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований – общество оказывается временно неспособным проявлять нужное воздействие на человека» [Дюркгейм 1994, 237]. С другой стороны, это состояние нельзя определять в традиционном смысле как «беззаконие, безнормность», это состояние социальных общностей связано в большей степени с противоречивостью норм, определенной дезориентацией в обществе, связанной с декларируемыми и реализуемыми проектами, противоречивыми ценностями, отсутствием нормативной определенности, латентным конфликтом между Москвой и «другой Россией» [Гранина web].

Неравномерное социально-экономическое развитие городов и сельских поселений, разрывы в доходах населения, территориальное неравенство, ограничение социальной мобильности, неравномерное благоустройство городских и сельских территорий – все это позволяет говорить о своеобразной сегрегации социальных пространств («престижного» центра и «опасной» периферии, перспективных и умирающих сельских поселений), которые свидетельствуют о разорванности социальных связей, ослаблении взаимодействий в территориальных общностях. По мнению некоторых ученых, данная траектория свидетельствует даже об умирании территориальной общности и появлении других форм социальной интеграции, включая виртуальные сообщества [Верченков, Ефременко, Тищенко (ред.) 2013].

По мнению экспертов, принявших участие в реализации гранта РФФИ № 19-411-340002, «...территориальная общность в традиционном понимании трансформировалась... <...>. Сейчас соседи по лестничной клетке, соседи в твоём дворе... ты можешь не замечать, кто они такие, где они, и это абсолютно не важно. При этом очень большой разрыв... социальный, финансовый между населением, благосостояние. И люди сейчас меньше стали показывать, как они живут, и поэтому все как-то пытаются уединиться в своей квартире или переехать, вообще в отдалённое жильё, чтобы как меньше взаимодействовать с кем-то другим» (эксперт № 1, городской активист, г. Волгоград).

Полученные оценки в экспертных интервью подтверждают гипотезу авторского коллектива гранта о новом состоянии территориальных общностей, которому присущи ослабление социальных связей горожан и сельских жителей, уменьшение социальных взаимодействий, замещение их виртуальными формами, снижении вовлеченности в активные социальные практики, направленные на развитие локальных территорий. Проведенный опрос в рамках реализации гранта ² позволил получить данные, характеризующие инертную социальную среду Волгоградского региона, и которые обозначили проблему, связанную с новой социальностью горожан и сельских жителей, определяемую нами как социальная аномия.

Одной из первых характеристик данной социальной среды является слабое доверие априори, которое мы оказываем другим людям, проживающим с нами на одной территории, в силу схожих условий проживания и общих проблем, своей социальной соотносительности, под которой мы рассматриваем территориальную идентичность.

Э. Дюркгейм понимает доверие через принятие мотивов и действий другого. Доверие является условием коммуникации и создает предпосылки для формирования малых групп, дополняется понятием деперсонализированного доверия [Дюркгейм 1991]. Такой вид доверия свойственен представителям территориальной общности, именно на таком доверии основан феномен землячества, когда

даже название родного и общего города, поселения, общего с кем-либо, вдали от данной территории вызывает положительные эмоции.

Доверие в концепции Ф. Тенниса бывает двух типов: в *Gemeinschaft* (общине) является продуктом личных отношений, основанных на дружбе или знакомстве; в *Gesellschaft* (обществе) складывается безличностное доверие, которое является результатом рациональной взаимозависимости и профессионализации [Теннис 1998, 211]. В территориальных общностях присутствуют два типа доверия, что является важной характеристикой солидарных отношений.

Исследование показало, что доверие в территориальных общностях к первичным группам (родственники, друзья) выше среднего (4,53 балла у горожан и 4,55 балла у сельских жителей), а ко вторичным (соседи, институциональные субъекты) – занимает средние или ниже среднего позиции. Например, свое доверие к жителям своего города горожане оценивают по шкале от 1 (совсем не доверяю) до 5 (самый высокий уровень доверия) на 2,84 балла, а сельские жители – на 2,89 балла, что характерно для инертной среды, ориентированной в большей степени на родственные связи, а не на общественные и состояния социальной аномии (табл. 1).

Как видим, в сельской местности сохраняются традиционные, более доверительные отношения ко всем институциональным субъектам: степень доверия к Президенту

Таблица 1

Оценка доверия в территориальных общностях (1 – нет доверия, 5 – самый высокий уровень доверия)

Субъекты, социальные институты, органы власти	горожане	сельские жители
Президент	2,64	3,03
Правительство	2,28	2,51
Государственная Дума	2,14	2,38
Местные органы власти	2,22	2,67
Правоохранительные органы (полиция, суд, ФСБ)	2,46	2,96
Армия	3,01	3,51
Профсоюзы	2,22	2,31
СМИ, Интернет	2,52	2,48
Банковская система	2,54	2,72
Священнослужители (священники, муллы и т.п.)	2,37	3,04
медицинские учреждения	2,61	2,94
соседи	2,84	3,50
родственники, друзья	4,53	4,55
жители Вашего города / села	2,84	2,89

горожане оценили на 2,64 балла, а сельские жители – на 3,03 балла, но доверие к местным органам власти и горожане, и сельские жители оценили достаточно низко (2,22 балла и 2,67 балла, соответственно), что затрудняет социальное управление в регионе и свидетельствует о социальной аномии [Кох 2006].

Следующей характеристикой состояния «разобщенности близких душ», или социальной аномии, в территориальных общностях горожан и сельских жителей является слабая лояльность социальной среды, когда, с одной стороны, горожане и сельские жители избегают действовать вопреки интересам своей общности, но и не проявляют активности, мало участвуют в деятельности по развитию своей территории. При этом горожане и сельские жители воздерживаются от критики своего города / сельского поселения в макросреде, но и не выступают в защиту своего города / сельского поселения. Такое состояние социальной апатии также свидетельствует о «нормальной аномии», нормативной неопределенности, ценностно-нормативном вакууме [Кравченко 2015].

Мы использовали методику В.А. Ядова для определения ментальности и поведенческих стратегий горожан и сельских жителей, позволяющих диагностировать инертную социальную среду в регионе. Согласно данной методике можно выделить две переменные

ментальности и пять поведенческих стратегий:

1. Характер *мироотношения*, крайними полюсами данной переменной выступают *соперничество* (конфронтация) и *сотрудничество* (партнерство).

2. Характер *социального взаимодействия*, полюсами которого являются *толерантность* (терпимость к иным взглядам, убеждениям) и *агрессивность* (нетерпимость) [Ядов 2004, 30].

На рисунке представлены две названные переменные в виде координат, образующих пять типов поведенческих стратегий. Полярными стратегиями – камертонами – являются стратегии *консенсализма* (склонности к консенсусу и согласию при взаимодействии с другими) и *диссенсализма* (склонности к конфликтам, конфронтации).

Данные исследования позволили выявить следующую региональную типизацию поведения горожан и сельских жителей. Первый тип – консенсалисты – с высокими показателями сотрудничества и толерантности. По данным проведенного исследования в Волгоградской области таковых оказалось **20,9 %**. Второй тип – толерантно-эгоистический – является противоречивым, с высокими показателями как толерантности, так и соперничества. Указанная поведенческая стратегия тяготеет к диссенсалистам. По данным нашего иссле-

Типы ментальности и поведенческие стратегии

Рисунок. Типы ментальности и поведенческих стратегий жителей Волгоградской области (по методике В.А. Ядова [Ядов 2004, 30])

дования, таких 17,5 % респондентов в Волгоградской области.

Третий тип, полярный первому (15 %), является основной осью, разделяющей поведенческие стратегии представителей территориальной общности. Диссенсалистов отличают высокие показатели соперничества и нетерпимости. В поведении каждого из людей присутствует склонность к консенсализму и диссенсализму в зависимости от личных интересов. Поведенческая стратегия консенсалистов распространяется на все уровни взаимоотношений: личностный, групповой, социетальный и общечеловеческий. Диссенсалисты обеспечивают, прежде всего, личные и частные интересы, игнорируют общие, в том числе и территориальные интересы общности, что также ведет к разобщенности и отсутствию мотивации заботиться об общем благе, в результате чего ухудшается уровень безопасности и экологии, качество жизни на определенной территории, возникают конфликты. Увеличение количества диссенсалистов в регионе способно изменить социальную среду региона на агрессивную, что в полиэтничном проблемном регионе является самым неблагоприятным сценарием развития территорий.

Четвертый, вновь противоречивый тип (21,6 %) – агрессивно-альтруистический. Высокие показатели сотрудничества сочетаются с проявлениями нетерпимости и агрессивности. Часто такой поведенческой стратегии придерживаются пожилые люди. Они склонны активно участвовать во взаимодействиях, не желая, однако, приходить к общему мнению, но тяготеют к полюсу консенсалистов.

Пятый тип авторы назвали «постсоветским обывателем» (25 %). Обыватель вре-

мени «постпостмодерна», индивид эпохи трансформаций, поведенческая стратегия определяется зоной пересечения шкал. Данному типу свойственна противоречивость в системе нравственных принципов и убеждений. Как и второй тип, он тяготеет к диссенсализму. Именно такой и характеризует жителя региона, дезориентированного в пространстве и времени, перегруженного информацией, декларативными целями и отсутствием средств по их достижению с низкой солидарностью и высоким уровнем индивидуализма. Преобладание в поведенческих стратегиях самого проблемного типа – «постсоветского обывателя» объясняет наличие в территориальных общностях разнородных социальных групп, не связанных друг с другом.

На вопрос: «Какой тип взаимоотношений преобладает среди жителей Вашего города / сельского поселения?» – респонденты реже выбирали варианты ответов, определяющие солидарные или конфликтные социальные отношения в территориальных общностях (табл. 2). Вариант ответа, выбранный большинством респондентов, как в городах (72,8 %), так и в сельских поселениях (59,9 %): «Чаще всего каждый занимается своим делом, не мешает другим». В совокупности с другими ответами участников опроса, проведенного в рамках реализации гранта РФФИ это позволяет охарактеризовать Волгоградскую область как латентную, инертную социальную среду.

Еще один признак социальной аномии в территориальных общностях – слабые солидарные связи внутри них. Солидарные отношения предполагают коллективную деятельность, которая организована и мотивирована, основывается не только на сопереживании и

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какой тип взаимоотношений преобладает среди жителей Вашего города / сельского поселения?», в %

Варианты ответа	горожане	сельские жители
1. Преобладают отношения взаимопомощи и поддержки	11,7	28,6
2. Чаще всего каждый занимается своим делом, не мешает другим	72,8	59,9
3. Преобладают напряженные, неприязненные, конфликтные отношения	5,2	2,4
4. Затрудняюсь ответить	10,3	9,0

чувстве эмпатии, но предполагает сотрудничество, взаимопомощь, взаимодействия по достижению коллективных целей. Солидарные связи в территориальных общностях предполагают доверие между индивидами, коммуникацию членов общности, формирование коллективных чувств, – все эти характеристики представляются значимыми для формирования территориальной общности.

Солидарные отношения или их отсутствие характеризуют среду функционирования социальных институтов в регионе. Растущая взаимозависимость во всех областях человеческой деятельности в условиях глобализации, интенсивные внутренние и внешние миграционные процессы, с одной стороны, создают возможности для солидарности. С другой стороны, усиливаются непонимание, разрыв ценностно-культурных императивов. По мнению экспертов гранта, *«к сожалению, сейчас очень много апатии, неверия в то, что придет помощь от государства, то есть люди замыкаются больше в своей индивидуальной атмосфере, то есть подсобное хозяйство, если у меня есть подсобное хозяйство, я выживу. Надеяться на местную власть, на областную власть? Уже я вижу, что нет таких надежд, как было раньше»* (эксперт, представитель органов государственной власти); *«в нашем регионе, людям часто бывает все равно и... какие-то маленькие изменения во внешней среде, по отношению к ним, персонально, к ним, как к общности, они воспринимаются как незначительные и люди ими пренебрегают»* (эксперт, архитектор); *«какой-то солидарности, или какого-то духа горожан, и действительно ощущение себя принадлежащим этому городу, там звание “волгоградец” или “мы – волжане” – я не наблюдаю»* (информант, горожанка)³.

Все эти характеристики свойственны конфликтному типу взаимодействия в территориальных общностях, которые на сегодняшний день носят латентный характер, когда горожане и сельские жители дистанцируются друг от друга, предпочитая индивидуалистические пассивные стратегии адаптации к социальной травме, такие как ритуализм, ретриатизм: *«Пассивная ритуалистская адаптация обращается к неустановленным традици-*

ям, привычкам и их культивированию как надежным укрытиям от травм. Наконец, ретриатизм в данном контексте есть игнорирование травмы, попытка продолжать привычный образ жизнедеятельности, не замечая ее [Штомпка 2001, 15]. Собранные данные полевого этапа исследования в рамках реализации гранта свидетельствуют об инертной, неопределенной социальной среде Волгоградского региона.

Отвечая на вопрос: *«Вы чувствуете или не чувствуете солидарность с такими людьми?»* – большинство респондентов (и горожане, и сельские жители) выбирают вариант ответа, что солидарности в их городе / сельском поселении нет, но они не конфликтуют с соседями (42,7 % опрошенных горожан и 24,4 % сельских жителей так считают), земляками (46,6 % и 38,9 % 5, соответственно), мигрантами (41,6 % респондентов – горожан и 32,8 респондентов – сельских жителей). Следовательно, исследуемые нами территориальные общности горожан и сельских жителей Волгоградской области характеризуются нарастанием чувства отчужденности; ослаблением внутренних социальных связей и взаимозависимостей, стремлением к иной самоидентификации (см. табл. 3).

При этом полученные ответы, позволяют выделить и другой вектор развития территориальных общностей. Так, сельские жители чаще общаются с соседями, 51,5 % респондентов считают, что с ними *«есть солидарность и частые взаимодействия»*, но и достаточный процент выбирает ответ *«затрудняюсь ответить»*, характеризуя солидарные связи с членами территориальной общности². В условиях экономического кризиса и социальной нестабильности локальная общность усиливает внутренние связи как защитную реакцию в ситуации неопределенности и риска. Мы можем выделить два вектора развития территориальной общности – интеграция и дезинтеграция. Взаимозависимости и взаимосвязи этих векторов выражены в степени удовлетворенности жителей условиями жизнедеятельности, привязанностью к месту жительства, региональной / локальной идентичностью.

Такая противоречивая ситуация, *«обывательские»* индивидуалистические страте-

гии, межличностное и институциональное недоверие населения определяют необходимость управленческих усилий, деятельности властной и интеллектуальной элиты регионов, направленных на организацию эффективной коммуникации в системе «власть – население» и формирование оптимальной социальной среды, которой присущи толерантность, доверие и солидарные отношения.

Состояние социальной аномии, переживаемое в современных условиях территориальными общностями, на наш взгляд, не означает исчезновение социальной общности людей, проживающих, взаимодействующих в одной локации. Возможный сценарий развития – город, сельские поселения, состоящие из сообществ, некая модель федерации или «консоциации», с одной стороны, где будет сохраняться социальное единство, так как каждый человек включен в свою территориальную единицу. С другой стороны, будет сохраняться существующая значительная доля автономизации горожанина и растущая доля сельского жителя, преобладание сетевого, виртуального взаимодействия в тех вопросах, которые позволяют их решать в таком формате [сбор средств на какие-то совместные

проекты (например, краудсорсинг, краудфандинг)]. Консоциативное территориальное сообщество, безусловно, модель объединения более свойственная горожанам, в ней не будет никакого диктата местного сообщества, но при этом будут широкие возможности для взаимодействия по интересам.

Это один из возможных сценариев развития территориальной общности и преодоления разобщенности как реакции на социальные трансформации. Необходима рефлексия новой социальной реальности городов и сельских поселений, смыслов, которые горожане и сельские жители вкладывают в изменяющийся социальный ландшафт, их потребностей, запросов и ценностей для изменения инертной социальной среды, управления конфликтами и принятия социально обоснованных решений по консолидации территориальных общностей, которые, на наш взгляд, являются необходимой опорой, базой для солидарности, позволяющей преодолеть социальную аномиию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности»

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Вы чувствуете или не чувствуете солидарность с такими людьми?», %

Варианты ответов	Соседи по дому		Жители города, в котором я живу		Жители моего региона		Прибывшее население в наш город (мигранты)	
	горожане	сельские жители	горожане	сельские жители	горожане	сельские жители	горожане	сельские жители
Нет солидарности, редкие взаимодействия	16,5	9,0	21	7,8	22,5	13,6	28,5	22,0
Случаются конфликты, не чувствую солидарность	2,9	4,8	3,7	2,7	3,1	4,5	6,6	4,2
Солидарности нет, но и не конфликтую	42,7	24,4	46,6	38,9	48,2	38,9	41,6	32,8
Есть солидарность, частые взаимодействия	32,8	51,5	17,1	35,2	10,9	11,4	4,1	6,9
Затрудняюсь ответить	5,0	10,2	11,7	15,4	15,3	31,6	19,2	34,0

сти в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ».

The reported study was funded by RFBR according to the research project no. 19-411-340002 “Territorial communities in social transformation: sociological and managerial analysis”.

² Опрос проведен научным коллективом ВИУ – филиала РАНХиГС в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ» (n = 844, Волгоградская область, июль – август 2019 г.).

³ Интервью с экспертами, информантами – горожанами и сельскими жителями Волгоградской области проведено в рамках реализации гранта РФФИ № 19-411-340002 «Территориальные общности в условиях социальных трансформаций: социолого-управленческий анализ» (N = 20, Волгоградская область, июль 2019 – декабрь 2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон 2016 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2016.
- Вебер 1990 – *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Верченков, Ефременко, Тищенко (ред.) 2013 – *Верченков Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. (ред.)*. Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. тр. М.: РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед., 2013.
- Гранина web – *Гранина Н.* «Конфликт между Москвой и Россией исчезает». Почему россияне больше не рвутся в столицу // <https://lenta.ru/articles/2018/03/09/provincial> (дата обращения: 02.01.2020).
- Дюркгейм 1991 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Дюркгейм 1994 – *Дюркгейм Э.* Самоубийство. М.: Мысль, 1994.
- Евтушенко 2013 – *Евтушенко Е.* Не умею прощаться. Стихотворения. Поэмы. М.: Эксмо, 2013.
- Зборовский 2009 – *Зборовский Г.Е.* Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009.
- Комбаров web – *Комбаров В.Ю.* Трансотчуждение как социологический феномен современности // http://lib.ieie.su/docs/2013/Kombarov_2013_Transotchuzhdenie_Kak_Sociologicheskij_Fenomen_Sovremennosti.pdf (дата обращения: 28.01.2020).
- Кох 2006 – *Кох И.А.* Социальная аномия и социальное управление // Известия Уральского

государственного университета. 2006. № 42. С. 62–71.

- Кравченко 2015 – *Кравченко С.А.* «Нормальная аномия»: производство «ничто» // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 3 (11). С. 17–33.
- Теннис 1998 – *Теннис Ф.* Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 207–229.
- Штомпка 2001 – *Штомпка П.* Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Ядов 1990 – *Ядов В.А.* Размышление о предмете социологии // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 3–16.
- Ядов 2004 – *Ядов В.А.* Процессы идентификации российских граждан в социальном пространстве «своих» и «не своих» групп и сообществ (1999–2002 гг.). Мастер-класс профессора В.А. Ядова: методол. практикум для студентов социологов. М.: Аспект Пресс, 2004.
- Tajfel 1987 – *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

REFERENCES

- Anderson B., 2016. *Imagined Communities*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ.
- Weber M., 1990. *Selected Works*. Moscow, Progress Publ.
- Verchenov L.N., Yefremenko D.V., Tishchenko V.I. (eds), 2013. *Social Networks and Virtual Networks Communities*. Moscow, Tsentr sotsialnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy Publ.
- Granina N. *Conflict Between Moscow and Russia Disappearing, Why Russians No Longer Rush to Capital City. March 2018*. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/03/09/provincial> (accessed 2 January 2020).
- Durkheim E., 1991. *The Division of Labor in Society. The Rules of Sociological Method*. Moscow, Nauka Publ.
- Durkheim E., 1994. *Suicide*. Moscow, Mysl Publ.
- Yevtushenko E., 2013. *Ne umeyu proshchatsya. Stikhotvoreniya. Poemy*. Moscow, Eksmo Publ.
- Zborovskiy G., 2009. *The Theory of Social Community*. Yekaterinburg, Gumanitarnyy Universitet.
- Kombarov V. *Trans-Alienation as a Sociological Phenomenon of Modernity 2013*. URL: http://lib.ieie.su/docs/2013/Kombarov_2013_Transotchuzhdenie_Kak_Sociologicheskij_Fenomen_Sovremennosti.pdf (accessed 28 January 2020).

- Kokh I.A., 2006. Social Anomie and Social Management. *Izvestiya Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 42, pp. 62-71.
- Kravchenko S.A., 2015. "Normal Anomie": Producing Nothing. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, no. 3 (11), pp. 17-33.
- Tonnies F., 1998. Gemeinschaft und Gesellschaft. *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3-4, pp. 207-229.
- Sztompka P., 2001. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 6-16.
- Yadov V.A., 1990. Reflecting on the Subject of Sociology. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 2, pp. 3-16.
- Yadov V.A., 2004. *Self-Identification of Russian Citizens in Social Space of "Own" and "Alien" Groups and Communities (1999–2002)*. Master class by prof. Yadov. Methodological tutorial for sociology students. Moscow, URSS Publ.
- Tajfel H., 1987. *Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology*. Cambridge, Cambridge University Press.

Information About the Authors

Julia A. Drozdova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Volgograd Institute of Management at Russian Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin St, 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, juliadrozdova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6864-1416>

Janna S. Martinson, Candidate of Sciences (Sociology), Senior Lecturer, Department of Modern Languages with a Course of Latin, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, martinson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0719-4632>

Информация об авторах

Юлия Алексеевна Дроздова, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, juliadrozdova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6864-1416>

Жанна Сергеевна Мартинсон, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, martinson@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0719-4632>